

Субъект как социальный конструкт¹

Развитие идеи субъекта²

В философской литературе тема субъекта сфокусирована на эпистемологической проблематике. О ком бы ни говорили — индивиде, группе, сообществе, обществе, — в конечном счете разговор все равно сводится к индивиду, познающему, сознающему, переживающему, реже действующему (пишущему, читающему). К этому взгляду примыкает и психологический, где образы познаний и переживаний оказываются близки.

Конечно, в последние годы совершается много попыток ввести в трактовку субъекта современные коммуникативные, психологические, лингвистические, даже естественнонаучные «добавки». Но как только они начинают угрожать основному пониманию субъекта и его задаче отображать реальность, сразу возникает резкая критика. Наилучшим примером, в этом плане, могут служить конструктивистские концепции субъекта и отношение к ним.

Но есть еще один аспект истории, который не упомянуть нельзя. Дело в том, что и в традиционной форме субъекта происходили заметные изменения. Если в XVIII в. — это субъект чувственной сферы, близкий психологическому взгляду, то в XIX в. — это часто трансцендентальный субъект, т.е. некая познавательная установка, определяющая основные координаты бытия и корректирующая собственную психику индивида.

Субъект незаметным образом отделяется от индивида, а субъектность отделяется — столь же незаметно — от субъективности.

В конце XIX в. начинается драма, в которой субъектность и субъективность сопоставляются и противопоставляются раз-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 11-03-00142а «Проблема социальности субъекта и конструктивный реализм».

² Эта статья, по сути, является продолжением и развитием тех подходов, которые были предложены в статье «Конструктивный реализм и динамика социального воспроизводства». См.: «Социемы». 2011. № 19.

личным образом. Проводятся границы между пониманием и объяснением, затем — рубеж между исследованием природы и общества (истории, культуры).

Затем фактически обозначается невозможность единства познания, затем обозначается раскол между социальным и гуманитарным познанием.

И где же оказывается субъект?.. Либо он остается в традиционной позиции, которая допустимыми средствами достраивается и реформируется, либо она (эта позиция) радикально меняется. Но как?... — пока неизвестно. Невдалеке уже вторая половина XX в. которая напроочит гибель субъекта.

Три стадии изменения статуса субъекта

I. Поскольку все перипетии драмы, развернувшейся вокруг темы субъекта проследить невозможно, возьмем достаточно простую схему, помогающую проследить ход событий. Оговоримся сразу, что эта схема скорее не гносеологическая, а социально-философская.

А) Заметим, что критика темы субъекта практически совпадает с кризисом классической философии (середина XIX века). Трактровка субъекта как единой для всех наук установки становится неактуальной.

Б) Место классического субъекта начинает занимать методология классической науки, прежде всего, классической механики, у которой выработаны правила для работы с разными вещами и материалами.

В) Почему изменился статус субъекта?.. На этот вопрос могло бы ответить развитое общественное знание... Но его еще не было. Оно еще только формировалось, и само нуждалось в методологическом обосновании.

Г) Философский редукционизм, сводивший все виды познания к единому правильному не имел смысла. Эпоха единства знания заканчивалась.

II. Возникает проблема социальной обусловленности субъекта. Причем возникает она не в философии, не в естествознании, а в формирующихся социальных науках. Субъект-индивид со-

циально обусловлен, и эта обусловленность становится не только теоретической, но и практической проблемой, поскольку от нее зависит организация и управление обществом, в котором не применяются рычаги прямого насилия. Движения не отдельных субъектов, а субъектов-масс становятся объектом пристального внимания, т.к. они позволяют выявить новые инструменты организации экономической и политической жизни. Естественно, в этих обстоятельства вопросы о гносеологических возможностях субъекта, тем более, о его моральных качествах, отходят на второй план.

Психика субъекта высвечивается в новом аспекте: речь идет уже не об особенностях восприятий субъекта, а о связи его установок с какими-то правилами и нормами социального порядка.

Надо отметить, что это было сопряжено не только с вниманием к массовым движениям, но и с тем, что постепенно развивающиеся общественные науки знакомили традиционную философию с совершенно нетрадиционными формами связи индивида и человеческой общности. Здесь нужно сделать еще одну оговорку: начинает оформляться некая дилемма социального и индивидуального. В классической философии она тоже существовала, но только в скрытой форме: предполагалось, что все люди более или менее соответствуют и должно рассматриваться в соответствии с образом субъекта, который начертала философии.

Но теперь ситуация меняется: речь идет не о соответствии/несоответствии индивида образу субъекта; речь — о другом: как разные индивиды подчиняются, или соподчиняются неким общим правилам и формам. Образуется своего рода новый трансцендентальный контур, в котором индивид ориентирован не на абстрактного субъекта, а на «поле» правил и норм, определяющих силы многих индивидов¹.

Дилемма социального и индивидуального формулируется в явном виде, и от ее понимания зависит решение важных практических и теоретических вопросов.

Вот тут и надо подчеркнуть, что оппозиция социального и индивидуального существовала вроде бы всегда, но в XIX в. она

¹ См.: Апель К.-О. Трансформация философии. М.: «Логос», 2001.

приобретает специфический смысл. Образуется проблемное поле — и теоретическое и практическое — в котором эта оппозиция обнаруживает форму кооперации. Речь уже не идет о прямой редукции индивидного к социальному, и не о прямом подчинении индивида власти, речь заходит о некоем компромиссе, в ходе которого индивид принимает некие правила и формы, созданные внешней социальностью, но и сам, благодаря этому приобретает некие субъектные возможности, позволяющие ему реализовать свои потребности и интересы.

Что же происходит?... Субъектность индивида выходит за рамки его телесности, но и социальность получает возможность формирования групповых субъектов, которые образуются не социальной «механикой», а держатся на интересах и возможностях объединенных индивидов.

Кажется, что практическая социология и экономика обретают мощные ресурсы для своего развития, а, стало быть, и для теоретико-методологического исследования. Однако возникают все новые проблемы. Становится ясно, что подчинение индивидного и социального выражает лишь поверхностно их взаимосвязь. А далее по ходу развития психологии, социологии и феноменологии выясняется, что присутствие социального в индивидном может осуществляться по-разному, а, соответственно, может выполнять разные функции как в развитии индивида, так и в функционировании социальных связей.

III. До настоящего времени не утихает обсуждение вклада Л.С. Выготского в прояснение проблемы взаимосвязи социального и индивидного; причем не в специальной психолого-педагогической сфере. А именно в плане культурно-историческом, прежде всего, в вопросе о том, как ребенок становится субъектом социальности, каким образом он научается влиять на ход социального воспроизводства.

Некоторые аспекты этой концепции приходится реконструировать, но это возможно благодаря работам последователей Л.С. Выготского А.Н. Леонтьева и А.М. Мещерякова.

Так что же находится сейчас в фокусе обсуждения... А именно детализация вопроса о том, как ребенок обретает черты субъекта социального воспроизводства, попутно освобождаясь от

воздействия близких, и, соответственно, приобретая черты самости.

О подобной реконструкции приходится говорить вынужденно, ибо в 30-е годы прошлого века вопрос о самостоятельности индивида в положительном плане вообще не мог обсуждаться.

Так что же здесь — самое главное?... А то, что сила, деятельная способность, владение формой (м.б — инструментом) не являются обособленными частями действия и взаимодействия. Способность обретает форму по мере овладения действиями (как правило — чужими), по мере присвоения их и — как результат — по мере обособления их, т.е. превращения их в свои собственные. «Фокус» обособления индивида и растущих его претензий на субъектность, обусловлен его эффектом общения с близкими.

Эта схема тянет на открытие в обществознании и философии, Но время еще не пришло (30-е, 40-е гг.); и все в лучшем случае ограничивается тем, что индивид подчинен обществу, сформирован им, социализирован им. А это и есть хорошее подтверждение таких социальных теорий как догматический марксизм и структурно-функциональный анализ.

А как обстояло дело в структурно-функциональный анализе?... В 60-е гг. XX в. позиции этого (вроде бы, общепризнанного) направления социальной мысли пошатнулись. Ключевым оказался вопрос: кто будет менять социальные системы? Многие понимали, что системная конфигурация социального мира может в ближайшее время измениться.

Т. Парсонс сознает, что его красивая, но жесткая социальная система требует изменений. И он берет из фрейдовской концепции личности уровень *superego* и вводит его в концепцию социального актора¹. Что это означает... Во-первых, это означает, что индивид формируется под давлением норм и стандартов и тем самым поддерживает существование социальной системы. Но теперь это означает также, что индивид обладает обилием латентных возможностей воздействовать на социальную систему; и здесь-то открываются возможности для новых витков социальной эволюции.

¹ Parsons T. Social Structure & Personality. Glencoe, 1964.

Между концепциями Выготского и Парсонса как будто нет сходства, но оно обнаруживается, когда мы ставим вопрос: как общество оказывается «внутри» индивида...? Но теперь и не это главное. Главным оказывается вопрос: как люди умудряются ту социальность, что внедрили в них, преобразовывать в другую социальность, предполагающую других субъектов, средства, результаты.

Еще несколько слов о сходстве двух, совершенно различных концепций. Конечно, концепция Л.С. Выготского относится к 30-м годам, а концепция Т. Парсонса к 60-м годам XX в. О том, что это — разные предметные области и говорить специально нет смысла. А вот то, что это важный методологический шаг в «одну сторону», сказать следует.

И там, и там, по сути, говорится о том, что взаимодействие социального и индивидного, осуществляется «внутри» самого индивида. Только у Выготского, эта индивидная реализация социального воплощается в формировании способностей, а у Т. Парсонса — за счет усвоения норм и стандартов поведения, т.е. за счет усвоения, по сути, фрейдовского *superego*. Что из этого следует?... Социализация — в советском варианте «формирование» индивидов, их приспособление к системе, — как будто бы сохраняется. Но, с другой стороны, появляются возможности для ответов, как индивиды могут влиять на систему социальных связей, то есть проявлять черты **субъектности**.

Этот момент изменения темы взаимосвязи социального и индивидного весьма существенен. Видимо, к 70-м гг. XX в развитые общества подходят к грани, за которой они, не развивая субъектные свойства индивидов, не могут сохранять ресурсы своего дальнейшего развития, а может быть, и сохранения. Заметим еще раз, что мы давно уже перешли из области эпистемологии в область обществознания, и не по произволу своему, а по логике событий, которые захватили и общество и науку в первой половине XX в.

Но нас интересует проблема субъектности ... Что происходит с ней? Открытия Выготского и Парсонса подвели нас к черте. За которой — другие вопросы. Например, — а как индивиды в качестве субъектов начинают менять конфигурацию социальных сис-

тем и соотношения между ними. Вопрос уже не о том, что делает социальное, помещаясь «внутри» индивидов, Вопрос о другом: что делают индивиды, преобразуя это социальное и стремясь воплотить его в новые средства взаимосвязи, инструменты, способы самореализации. Индивиды — не по одиночке — а в разных совокупностях и сообществах, становятся субъектами социального бытия. А вот что с этим делать — это уже большая проблема для разных наук, для разных учений и идеологий.

Время Т. Парсонса уходит; появляются новые концепции: социальная феноменология, этнометодология, неортодоксальный бихевиоризм и неофрейдизм, «новые» теории социального действия, экзистенциальная социология, которые выступают с принципиально новых для философии и обществознания позиций.

В чем — новизна этих позиций. Они не просто заявляют о взаимосвязи социального и индивидуального (XVIII в.), они не удовлетворяются представлением о присутствии социального в индивидуальном. Они настаивают на том, что современные социальные системы могут сохранить, существование, если они используют субъектные возможности, составляющих их индивидов.

Казалось бы, это — сдвиг, происходящий только в обществознании. Но вопрос понимания системности становится общеметодологическим. На первый план выходит задача освоения самоизменяющихся, самоорганизующихся, саморазвивающихся сложных систем. Причем, эта задача становится все более актуальной и в развитии общества, и в освоении природных систем и в создании мощных технических комплексов. Как на этом фоне выглядит традиционная трактовка субъекта? Понятно, что для характеристики сложных саморазвивающихся систем не подходит привычная схема субъекта с ее заранее определенными характеристиками.

Так или иначе, возникает проблема создания схемы или организации субъекта для каждой особенной сложной задачи.

Каким будет этот субъект групповым или индивидуальным?, — заранее определить невозможно.

В сущности возникает совершенно новая проблема — проблема конструирования субъекта...Здесь обсуждается уже не то: отображает субъект или конструирует реальность; важно другое

какой конфигурацией должен обладать субъект, чтобы обладать возможностями для постановки, решения задачи и отслеживания послед-ствий, которые возникают при освоении и построения сложных систем.

Завершая этот фрагмент, отметим, мы отделились от традиционных гносеологических схем, и проблема субъекта выглядит многогранной и во многих аспектах социально-обусловленной.

Заметим и другое: мы далеко отошли от индивидуальной формы субъекта. Но это вовсе не значит, что индивид пропал. Без индивидов групповой субъект не работает, Но это в каждом случае обретает особые формы.

Об этом дальше попробуем порассуждать.

Конструирование субъекта

Итак, субъекта производственно-практической или духовно-теоретической деятельности необходимо проектировать и конструировать. Это собственно и было одной из причин институционализации общественных наук в середине XIX века.

Поначалу дело, конечно, пошло по производственному принципу: организовывались бригады, цеха, заводы, комбинаты. Наука следовала этому же пути: необходимо было создавать большие институты, создавалась Большая наука; чем больше народу будет решать проблему, тем скорее она и решится.

Это был путь, подсказанный так называемым материальным производством.

Говоря другим языком, это был экстенсивный путь развития.

К середине XX в. наступило протрезвление. Большое производство и Большая наука не всегда приносят эффект. Там, где они работали на ВПК, там, где людей и денег принято было не жалеть, — это давало результат.

Но стали появляться открытия нобелевского уровня, которые совершались небольшими группами ученых, порой — до трех человек. Причем, люди эти могли работать в разных университетах и разных странах. Появлялась техника, которая для коммуницирования этого небольшого, но комбинированного субъекта не требовала больших затрат. Открывался новый путь

для кооперации человеческих сил. И путь этот, заметим, прокладывало не производство (практика), а наука.

Возникает новый тип коммуникации, конструирующей субъекта. Коммуникация не имеет пространственной формы: субъектам не нужно собираться в о дном месте. Местом сборки оказывается общее понимание проблемы, общее понимание задачи и, затем, выработка методологий в каждом случае соответствующих решению определенной части задачи.

Следующий вариант. Мы можем говорить и построение самого субъекта на «базе» индивида. Субъект конструируется индивидом, он не дан ему; в него нужно вложить силы, умения, знания, а значит, прямым или косвенным образом «встроить» позиции других людей, другие точки зрения.

Познающий субъект может развертывать познавательную деятельность, «включая» социальные связи, «растянутые» во времени. Он «ткет паутину» познания, создавая новые ячейки, но делает это, опираясь на деятельность других субъектов, которые некогда совершили свою работу и которые вновь начинают существовать и действовать, участвуя в его синтетических усилиях. Познание, таким образом, выходит за рамки отдельного общества и начинает связывать разные эпохи, разные типы социальности. Оно оказывается элементом временной социальной связи, средством ее реализации, вместе с тем создавая предпосылки для обновления актуальных средств и предметов. Как говорит Р. Коллинз, «программа состоит в изучении того, каким образом идеи формулируемые индивидами, обуславливаются положением последних в сети, как «вертикально» в терминах предшественников, так и «горизонтально» — в терминах союзников и соперников».¹ Он поясняет эту программу следующим образом: «Мы пытаемся прочертить путь к беседам, формировавшим данную сеть, а также к внутренним беседам в головах мыслителей, составлявших в своем разуме коалиции, что и становится созданием новых сетей».²

¹ Коллинз Р. Социология философий. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. С. 34.

² Там же. С. 35.

Важно расставить акценты: субъект не только находится под влиянием социальной детерминации, не только реализует ее связи и обусловливания, он синтезирует и изменяет эту детерминацию, перестраивает ее как «фабрику коллективных значений и смыслов» (В.А.Лекторский)

В отечественной философской литературе первые попытки такого ода были предприняты в конце 60-х, начале 70-х гг. Среди немногих работ этого направления особое место занимает статья В.А. Лекторского «Принципы воспроизведения объекта в знании»¹.

В статье четко просматривается динамическая трактовка познавательного процесса, разворачивающаяся в стратегию сопоставления а) форм деятельности субъекта и различных объективных содержаний знания, б) познавательных погружений в объект и конкретизаций позиции субъекта в структурах бытия, в) точек зрения субъекта и проекций объекта на бытие познающего человека, выявляемых в процессе деятельности.

Таим образом, любая деятельность может быть представлена как движение субъекта по объекту. Даже освоение готового знания в процессе обучения может быть интерпретировано таким образом; неизбежно происходит изменение точки зрения субъекта на какие-то темы. Происходит освоение карты местности, на которую уже кем-то нанесены пути, труднодоступные места и «белые пятна».

Другая форма движения требуется, когда осознается, как недостаток, отождествление «карты» и объекта. Необходимо вывести объект из его привычных отношений с формами познания и деятельности, а это сопряжено с переосмыслением способов познавательной деятельности, с пересмотром собственных позиций и точек зрения. Иными словами, речь идет о конструировании субъекта в режиме самореализации.

Подчеркнем, субъект конструирует себя не из себя, не из своего «внутреннего мира» в интроспекционистском смысле. Он интегрирует свои новые знания, умения и навыки, из других

¹ Лекторский В.А. Принципы воспроизведения объекта в знании // Вопросы философии. 1967. № 4.

точек зрения и позиций, которые помогут ему справиться с новой проблемной ситуацией.

Можно представить и другую форму движения субъекта по объекту — «вокруг объекта». Она стимулируется недостаточностью одностороннего освещения объекта и диктует необходимость интегрирования различных исследований объекта, разных его предметных и дисциплинарных представлений.

В 70-е годы XX в. было много дискуссий о комплексном и системном подходах, которые всякий раз возобновлялись, как только речь заходила об интеграции научных дисциплин в решении какой-нибудь конкретной проблемы. Так было, когда естественники и гуманитарии пытались объединить усилия на экономическом поприще. Так было, когда психологи и социологи пытались сообща рассматривать проблемы развития личности.

Надо заметить, сдвиги в этом направлении и сейчас сделаны небольшие. Сейчас, как и тогда, дисциплинарные траектории познавательного движения пересекаются очень редко; логика предметного представления объекта оказывается сильнее логики движения по объекту «вокруг объекта», «вглубь объекта».

Ни в осознании применяемой методологии, ни в практике исследований дело еще не дошло до того, чтобы объяснить всё разнообразие объективных содержаний, фиксируемых как различные предметные исследования, в качестве сторон, аспектов единого объекта или единой системы объектов и вывести разнообразие «ракурсов системы объектов... из действия системы объектов»¹.

Итак, опираясь на сформулированные ранее положения, можно сказать: различные формы движения субъекта по объекту оказываются различными формами его самореализации, его самоконструирования; вместе с тем, они являются различными видами воспроизведения объекта, связями и формами между разными этого воспроизведения.

Различия и дают возможность фиксировать разные аспекты бытия и разные уровни существования объекта. С этой стороны,

¹ Лекторский В.А. Указ соч., с. 49.

т.е. «со стороны объекта, логика как связь между различными отображениями, разными интерпретациями объекта. Но с другой стороны, т.е. «со стороны субъекта» эта связь может быть представлена как соотношение разных познавательных позиций и соответствующих точек зрения. Иначе говоря, если раньше мы говорили о о познавательном процессе как о совокупности разных движений субъекта по о объекту, то теперь мы можем представить познание как движение по различным познавательным позициям и точкам зрения, соответствующим разным отображениям объекта. Это движение с необходимостью предполагает «достройку» и самоконструирование объекта.

Разумеется, в этом познавательном движении возможны повторения, их сложение, умножение, взаимоуничтожение и создание новых. Научное открытие возникает не в пустом пространстве, значит оно неизбежно наталкивается на сопротивление других позиций и связано либо с компромиссом, либо с конфликтом¹.

Субъект, стало быть, предстает неким полисубъектным образованием. Движениям субъекта по объекту так или иначе соответствуют связи с другими субъектами. Более того, эти связи (в плане функциональном) обуславливают познавательные акты; социальная форма субъект-субъектных связей прямо или косвенно включена в развертывание познавательной формы. Тем не менее, социальная связь как форма не может оставаться только внешней по отношению индивиду и развертыванию его деятельности.

Необходимость для индивидуального субъекта рассматривать объект с какой-то определенной точки зрения и от нее двигаться к пониманию объекта неявным образом указывает на внутреннюю социальную форму его деятельности. Либо субъект удовлетворяется существующим разделением труда и, соответственно, представления объекта, тогда социальность деятельности представляется для него внешней, как совместность, либо он не удовлетворяется ни разделением труда, ни частными способами

¹ См.: Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. М.: Изд-во «Советское радио», 1973.

представления объекта, тогда социальный характер его индивидуальной деятельности и выражает себя как движение по объекту, преодолевающее и преобразующее границы разделения познавательной деятельности, общезначимые образцы и способы представления объекта.

На «стороне» объекта эта коллизия обнаруживается как противоречие общезначимости и объективности. Общезначимые формы оказываются слишком абстрактными и приближительными для конкретного отображения (и освоения) объекта. Объект не дается им, не улавливается ими, предстает в них лишь своей редуцированной тенью. Поэтому движение «к объекту» неизбежно оказывается их переработкой.

В свете этого существенно возрастает социальная и познавательная значимость личностных усилий субъекта. Личностная детерминация «выводится на первый план не предпочтениями субъекта, а недоступностью объекта для абстрактно-общих схем. Эта детерминация вступает в силу как важнейшее звено и средство объективирования нового знания¹.

Таким образом, познание развивается субъектом, фиксируется формой, в которой разворачивается его движение по объекту, его подвижные отношения с другими субъектами, его самоизменение, сопряженное с простраиванием средств «собираения» субъекта и «проникновения» в объект.

Эта форма есть средство моделирования субъекта и реального собирания различных аспектов его деятельности в акте познания, в особенности, в процессе получения нового результата.

¹ Как возможность самого познания, так и характер его протекания и формы его осуществления.... не заложены в какой-то особой инстанции, стоящей над конкретными субъектами и гарантирующей единство и объективность познавательного процесса. Вне активного усилия «конечных» субъектов по поддержанию того или иного способа выполнения познавательной деятельности последнее всеми своими нормами и регулятивами не может существовать. Нет никакого автоматизма в преодолении коллизий и рассогласованностей, которые могут возникнуть в ходе познавательной деятельности и, как правило, возникают в ней.

Но эта динамическая форма как раз и подчеркивает специфику модели, на которой базировался субъект, разрушенный практическими и теоретическими кризисами XX столетия; в ней отсутствуют абстрактность и неизменность структуры, отчужденность от связей социального бытия и самореализации человеческих индивидов¹.

В данном случае нам важно прояснить хотя бы один вопрос: означает ли исчерпанность стационарной модели субъекта исчезновение самого субъекта?...

* * *

Кто же он — этот «сам» субъект?... С точки зрения динамической модели познания, субъект не отчужден от эмпирического социального индивида, но и не совпадает с ним. Динамическая форма субъекта познания не растворена в других человеческих формах, но и не существует отдельно от них. Она может возникать циклически, проявляться, фиксироваться, может рассыпаться и исчезать. Она ни закрепляется в натуралистической или вещественной форме, не опредмечивается в позиции, должности, точке зрения. Эта форма, как и индивид, при определенных обстоятельствах оказывается субъектом деятельности.

Что же это за обстоятельства? Наметим некоторые из них. Человек неизбежно становится субъектом, когда ему жизненно необходимо решить проблему, изменить ситуацию, создать новые средства практической или духовно-теоретической деятельности, а, стало быть, и способности и коммуникации.

Такого рода необходимость субъектности по-видимому существовала всегда, но она постоянно приходила в противоречие то с традицией, то с властью, то с «механикой» Большого производства или Большой науки².

¹ Вопрос о попытках демонтировать субъекта рассматривается в других статьях этого номера журнала.

² Конечно, с переходом от стационарной к динамической модели субъекта меняется и само понятие *новизны*. Но это — особая тема.

Значение вопроса о субъекте не только сохраняется, но и возрастает, когда мы имеем дело с так называемыми «неклассическими» объектами¹.

Контакты с этими объектами, их освоение или использование возможны только путем моделирования особого бытия и соответствующего конструирования деятельности субъекта.

В контакте с неклассическим объектом субъект выстраивается, т.е. специфическим способом меняется связь его способностей, знаний, умений, инструментов, его коммуникаций с другими индивидами. «Неклассические» объекты требуют и соответствующего субъекта, который развертывается как динамическая форма, соответствующая характеру контакта с объектом. «Неклассические объекты» — давно уже не экзотика. Это — не только волны, поля и частицы. Мобильные телефоны, космические ракеты, «обыкновенные» самолеты, линии электропередач — это всё тоже «неклассические объекты». И к этому все давно привыкли. А вопрос о соответствующем субъекте всё еще «зависает». Так и тянет философскую традицию к временам Юма и Локка.

В ряде стран, вступивших в XXI в. с программами интенсивного развития, ориентированного на качество жизни, и деятельности, проблема субъекта познания оказывается практической проблемой, поскольку экономические, научные, культурные результаты могут быть достигнуты только ценой максимального субъектного напряжения.

В этом плане проблема субъекта смыкается с проблемой самоидентификации личности. На уровне повседневного бытия люди постоянно решают эту проблему, ибо в современном мире личность не дается, а создается, воспроизводится усилиями человеческого индивида, изменяющего и, тем самым, сохраняющего связность своего человеческого бытия. На этом уровне возможность человека быть субъектом включена в его самореализацию, включена в его способность быть субъектом своего собственного бытия.

¹ См. Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М.: Издательство Наука, 1980; Степин В.С. Философская антропология и философия науки. М.: Высшая школа, 1992. С.136-189.

* * *

Есть еще один важный аспект самореализации субъекта. Чтобы утвердиться в себе, т.е. в качестве субъекта, он вынужден создавать соответствующие средств и инструменты, то есть он фактически осваивает роль конструктора. Подтвердить свое качество субъекта он в конечном счете может только создав подходящие средства. Но этот¹ аспект мы рассматривать не станем, поскольку он рассматривался (и многократно) нашим коллегой М.А. Розовым.

¹ См. например: Розов М.А. Теория и конструирование // Социемы, 2011, № 19.